

Е.А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 15 Джеттатура Пан Круль
Заира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 15 Джеттатура Пан Круль Заира / Е.А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2014. – 529 с.

ISBN 978-5-458-52673-9

ISBN 978-5-458-52673-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

арица Адриатики, красавица Венеція переживала бурно-радостные дни...

Стояли июльскіе жары 1574 года, но вопреки обычной тишинѣ, всегда бывавшей за это время, теперь Canal Grande, безчисленные малые каналы, площадь Св. Марка, Пиацетта, набережная—„Рива Скиавони“, главная улица Мерсеріа—все было особенно оживлено и шумно.

Толпы народа, простые *citadini* или горожане, пришлые *contadini*, а вмѣстѣ съ ними, запросто перемѣшавшись, и гордые патриціи республики — всѣ съ увлеченіемъ, весело, крикливо и суетливо сновали пѣшкомъ и въ гондолахъ по всѣмъ направлѣніямъ, отъ площади предъ базиликой Св. Марка и дворца Дожей, вплоть до дальнихъ лагуновъ и до острововъ Лидо и Мурано.

Удивительная вѣсть подняла Венецію на ноги. Правительство республики, получивъ тайное извѣстіе отъ своего вѣнскаго посла о крупномъ событіи, продержало его подъ спудомъ цѣлую недѣлю въ силу важныхъ государственныхъ соображеній. Но затѣмъ оно отрядило герольдовъ въ сопровожденіи своихъ збировъ и наемныхъ швейцарцевъ или ландскнехтовъ, объявить о событіи во всѣхъ главныхъ центрахъ города.

И всюду пробилъ барабанъ ландскнехта и прозвучала труба герольда. Начавъ съ площади предъ базиликой и моста Ріальто, гдѣ вѣчно кишить, какъ муравейникъ, торговый людъ, абори-

гены и иностранцы—греки, турки и евреи,—герольды кончили островами, населенными простымъ людомъ, рыбаками или рабочими съ арсенала и со стеклянныхъ заводовъ, которыми славна и богата республика.

Вѣсть, взволновавшая патриціать и плебу Венеціи, волновала теперь и весь крещеный міръ.

Важное событіе совершилось въ Европѣ. Умеръ неожиданно и даже загадочно Французскій король Карлъ IX, и престолъ по праву переходилъ къ его брату, Генриху, послѣдному члену дома Валуа.

Но этотъ принцъ былъ уже монархомъ. Онъ былъ избранъ королемъ Польскимъ и былъ въ это время въ Краковѣ. Кто же будетъ теперь „христіаннѣйшимъ“ королемъ?—спрашивала Европа.

Въ отвѣтъ на это пробѣжала вѣсть, что король Польскій тайно бросилъ чуждый ему тронъ и чуждую страну и, исчезнувъ, какъ бы пропалъ безъ вѣсти.

Было очевидно, что Генрихъ тайно и осторожно возвращается на родину, гдѣ ждетъ его мать-регентша, знаменитая Катерина Медичи, ревностная поборница ученій Лойолы и Макиавелли.

Но какое же дѣло патриціямъ и читадинамъ Венеціи до судебъ французскаго трона?—Событіе могло бы озабочивать только сенаторовъ и мудрецовъ республики, а затѣмъ высокочтимого, но безвластнаго дожа.

Особое второстепенное обстоятельство, не имѣющее политическаго значенія, взволновало и подняло на ноги весь патриціать и плебеевъ. Скрывшійся изъ Кракова Польскій король уже объявилъ себя Французскимъ королемъ въ Вѣнѣ и слѣшится въ дорогое отечество, но... окольнымъ путемъ. И по пути Генрихъ III посѣтитъ Венецію!.. Ни одинъ монархъ Франціи еще никогда не бывалъ среди мраморныхъ стѣнъ водяного города, и поэтому понятно, что теперь Царицѣ Адриатики, вѣрной союзницѣ христіанскихъ королей и грозной соперницѣ султана, впервые предстоялъ случай при встрѣчѣ и пріемѣ такого высокаго гостя блеснуть своимъ могуществомъ и ослѣпить его своимъ богатствомъ и пышностью.

Прежде всего, всѣ правители многочисленныхъ провинцій и городовъ „Твердой земли“ — какъ называла Венеція всѣ свои обширныя владѣнія—получили приказъ немедленно распорядиться и выслать въ столицу депутаціи и отрядъ мѣст-

ныхъ наемныхъ войскъ для почетной встрѣчи короля. Затѣмъ всѣ галеры, галеассы и кокки — весь флотъ — сила и слава Венеціи — были снаряжены, вооружены и снабжены войсками какъ бы предъ началомъ новой борьбы съ султаномъ...

Одновременно главный государственный, но почетный и „мирный“ корабль, служившій лишь во дни торжествъ, знаменитый „Буцентавръ“ былъ отдѣланъ заново и весь вновь позолоченъ въ три дня. Всѣ мастера Венеціи трудились надъ нимъ отъ зари до зари.

Граціозный дворецъ Фоскари на срединѣ Canal Grande былъ избранъ и разукрашивался для пребыванія короля, а два сосѣдніе дворца Джустиніани предназначались для свиты его.

По полученіи извѣстія о томъ, что Генрихъ уже выѣхалъ изъ Вѣны, четыре сенатора съ многочисленной свитой отправились для встрѣчи его на самую границу республики. Вслѣдъ за ними Совѣтъ Десяти, въ полномъ составѣ, десять старѣйшихъ сенаторовъ и десять проведиторовъ или главныхъ управителей отдѣльныхъ управленій выѣхали въ ближайшій пунктъ „Твердой земли“ — мѣстечко Джуліано. Въ ихъ свитѣ было болѣе двухсотъ молодыхъ патриціевъ и тысячный отрядъ войска, чтобы пышно проводить короля до Мурано, ближайшаго къ Венеціи большого острова. Наконецъ пришло въ городъ извѣстіе, что король благополучно достигъ Джуліано и переправился на Мурано, гдѣ проведетъ ночь, а на утро предстоить его торжественный въѣздъ въ Венецію.

Покуда вся властная и знатнѣйшая часть патриціата собиралась пышно встрѣчать „христіаннѣйшаго“ короля, тайный Совѣтъ „Трехъ“ засѣдалъ цѣлый день въ маленькой залѣ дворца Дожей, обсуждая важный вопросъ о предложеніи Генриху III новыхъ мѣръ и средствъ для совмѣстной борьбы съ общимъ, все усиливающимся, врагомъ...

Но врагъ этотъ не Турція, не Исламъ, не корсары и пираты, не дикія племена Африканскаго побережья...

Врагъ этотъ — исчадіе ада, ересь, обступающая Церковь!.. Наступаютъ очевидно страшныя времена, о которыхъ гласитъ Апокалипсисъ!.. Быть можетъ, скоро конецъ свѣта, такъ какъ пришествіе Антихриста уже чутся многими праведниками. Все чаще стали появляться люди, кощунственно относящіеся къ религіи, занимающіеся грѣховными науками, обладающіе какими-то таинственными талисманами, астрологи, кудесники, чернокнижники. А за ними еще цѣлый легіонъ — простые

легкомысленные люди или безродные шатуны, продавшіе душу сатанѣ ради суетныхъ благъ міра сего.

Королева-регентша Франціи и покойный король Карль еще недавно доказали всему свѣту, что они твердо стоятъ на стражѣ Церкви Христовой. Одна ночь Св. Вареоломея надолго укрѣпила вновь уже расшатанныя основы католичества и престола св. отца папы.

Генрихъ, конечно, останется вѣренъ традиціямъ своего дома и будетъ оплотомъ противъ врага Христова.

Такъ думали и разсуждали три властнѣйшихъ сановника.

Вѣдѣнію Совѣта или Суда „Трехъ“ подлежали всѣ дѣла, требующія соблюденія тайны, какой бы области управленія они ни касались. Часто это были дѣла Sant Officio или инквизиціи, т. е. преслѣдованіе и судъ еретиковъ, колдуновъ, вѣдьмъ и вообще наперсниковъ сатаны, которыми переполнился крещеный міръ.

Три члена высшаго суда, тайно избираемые изъ среды Сорока судей или Кварантіи, оставались часто неизвѣстны даже многимъ сановникамъ республики, не говоря уже о членахъ патриціата. Засѣдали они всегда въ маскахъ, чтобы судимые не могли ихъ знать въ лицо. И часто чередуясь съ другими по выбору, эти трое стали грозой и страшилищемъ всякаго подданнаго республики. Бывали случаи, что самъ дожь трепеталъ предъ этой невѣдомой и невидимой силой, а иногда становился жертвой ихъ тайнаго и мгновенно исполняемаго приговора.

Теперь Судъ Трехъ засѣдалъ весь день и, разойдясь ввечеру, постановилъ воспользоваться пребываніемъ Французскаго короля, чтобы заключить съ нимъ новый союзъ... Союзъ охранительной вѣры Христовой и истребителей слугъ Антихриста.

„Опираясь на могущественнаго монарха, инквизиціонный судъ въ республикѣ процвѣтетъ!“ рѣшили они.

II.

Въ эти же дни радостной сумятицы и праздничнаго оживленія, появилось въ Венеціи много знатныхъ чужестранцевъ. Обыкновенно лишь турки да греки, почти завладѣвшіе виѣшной торговлей республики, навѣщали ее; гости изъ христіанскихъ странъ Европы бывали рѣже. Теперь же вдругъ въ гости-

цахъ появилось очень большое число именитыхъ и важныхъ путешественниковъ. Оставивъ свои экипажи и лошадей на Твердой землѣ, каждый прибылъ однако въ сопровожденіи цѣлой блестящей свиты.

Въ числѣ прочихъ явился, за два дня до прибытія Генриха Валуа, его придворный и вмѣстѣ съ тѣмъ наперсникъ и любимецъ виконтъ Сольксъ-Таваннъ. Онъ остановился въ гостиницѣ близъ набережной Рива Скиавони, но соблюдалъ покуда строгое инкогнито, именуясь простымъ торговцемъ изъ Тревизы.

Въ день его пріѣзда, ввечеру, въ гостиницу явился незнакомецъ и пожелалъ видѣться съ пріѣзжимъ по дѣлу. Виконтъ принялъ гостя, именуясь купцомъ, но незнакомецъ объяснилъ, что хорошо знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Таваннъ, никому не открывшій ни дорогой, ни въ Венеціи своего имени и положенія при дворѣ Генриха, былъ нѣсколько удивленъ.

— Не удивляйтесь, виконтъ, заявилъ гость на чистомъ французскомъ языкѣ.—Правительству республики извѣстно всегда многое, чего никто не знаетъ. Ему извѣстны, напри- мѣръ, всѣ подробности бѣгства короля изъ Польши.—И незнакомецъ, къ крайнему изумленію Таванна, рассказалъ ему, какъ Генрихъ покинулъ Краковъ.—Самыя важныя государственныя тайны разныхъ странъ Европы, мало даже извѣстныя на мѣстѣ, прибавилъ онъ,—хорошо извѣстны сенату Венеціи чрезъ его агентовъ. Что касается до Суда Трехъ, то каждый членъ его знаетъ все... Знаетъ даже то, что извѣстно одному сатанѣ.

— Если вамъ не только извѣстно, кто я, но даже подробности нашего путешествія, отозвался виконтъ Таваннъ,—то и, конечно, скрыватья не стану. И тѣмъ болѣе не считаю это нужнымъ, что мое инкогнито должно продолжаться только до завтра... Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло и что вамъ угодно?

— Я кавалеръ ди-Авдо... Съ честью ношу этотъ меньшій изъ титуловъ и фамилію, древнѣйшую изъ всѣхъ, какія только есть въ Италіи.

— Вашъ титулъ доказываетъ, что вы не венеціанецъ?

— Нѣтъ. Я родомъ изъ Португаліи. Но я нахожусь на службѣ при здѣшнемъ правительствѣ, и когда минетъ закономъ установленный срокъ давности мѣстожителства—я натурализуюсь и стану подданнымъ республики.

— Que désire donc Monsieur le chevalier Di-Avólo? любезно, но нетерпѣливо выговорилъ Таваннь, потому что незнакомецъ ему сильно не нравился своей внѣшностью и какъ бы хвастливо развязной манерой держаться и говорить.

Кавалеръ ди-Авóло былъ довольно высокаго роста, но казался еще выше отъ черезчуръ худощаваго стана и узкихъ плечей. Лицо его было оригинально, черты были нѣсколько рѣзки, выраженіе въ черныхъ глазахъ почти коварно хитрое, а орлиный носъ, сильно загнутый, и тонкія губы, едва замѣтно, но постоянно подернутыя недоброй, жесткой усмѣшкой, придавали его взгляду еще болѣе отталкивающее выраженіе. Худое и острое лицо казалось еще острѣе отъ маленькихъ, сильно вздернутыхъ вверхъ, усовъ и отъ бородки клиномъ, черныхъ, какъ смоль. Курчавая голова была не кругла, какъ у всѣхъ, а замѣтно продолговата... Руки и ноги казались тоже черезчуръ длинны сравнительно съ туловищемъ. Вдобавокъ, въ голосѣ ди-Аволо и въ особенности въ его смѣхѣ было тоже что-то жесткое и звенящее, будто металлическое. Костюмъ его, такой же, какъ у всѣхъ патриціевъ Венеціи, какъ и у всѣхъ дворянъ европейскихъ государствъ, былъ, однако, не цвѣтной, а изъ смѣси чернаго атласа и чернаго бархата.

На нетерпѣливый вопросъ Таванна его гость ухмыльнулся странно. Это была скорѣе гримаса, нежели улыбка.

„Какъ, однако, онъ дурень собой!“ невольно замѣтилъ мысленно виконтъ и прибавилъ:

— Будьте столь любезны немедленно и кратко сообщить мнѣ, по какому дѣлу вы являетесь?

— Я посланъ къ вамъ отъ Совѣта Трехъ! выговорилъ гость нѣсколько важно.

— Зачѣмъ?

— Я долженъ по порученію трехъ тайныхъ членовъ Кварантіи, временно верховныхъ судей Венеціанской республики, состоять при его величествѣ королѣ, за все время его пребыванія здѣсь.

— Зачѣмъ?! повторилъ удивленно Таваннь.

— Таковъ обычай Венеціи... При всѣхъ гостяхъ республики состоятъ одинъ уполномоченный Совѣта Трехъ.

— Я полагаю, что при королѣ будутъ состоятъ важные сановники, сенаторы, а не... не простые молодые люди, не имѣющіе высокаго званія... рѣзко замѣтилъ Таваннь.

— Да. Явно будутъ состоять при королѣ наши главные и знатнѣйшіе патрици. Всѣ шесть прокураторовъ Св. Марка и въ томъ числѣ знаменитый старецъ Антонио Нани; затѣмъ старѣйшіе адмиралы флота, наши герои, Контарини и Венберо... Кромѣ того назначенъ къ королю нашъ именитый патрицій да-Понтэ, который — какъ это всѣмъ извѣстно — почитается нашимъ будущимъ дожемъ, и наконецъ, вашъ хорошій знакомецъ, нашъ бывший посолъ во Франціи, Маркъ-Антоній Барбаро... Его когда-то нынѣшній король Генрихъ, будучи еще принцемъ, очень любилъ.

— Все это совершенно вѣрно и мнѣ уже извѣстно! нетерпѣливо и досадливо отвѣтилъ Таваннъ. — Позвольте узнать...

— Всѣ эти лица будутъ явно сопровождать повсюду его величество, перебилъ кавалеръ виконта. — Что касается до меня, то я долженъ находиться въ свитѣ съ вами и другими дворянами — тайно... Иначе говоря: никому не будетъ извѣстно, что я агентъ правительства.

— Зачѣмъ?! въ третій разъ вскрикнулъ Таваннъ.

— Ради безопасности короля.

— Это совершенно излишне. Французская свита — вѣрные тѣлохранители его величества. И покуда мы живы — ни въ Венеціи, ни гдѣ-либо ничто не можетъ грозить Генриху III. Поэтому я нахожу излишними заботы членовъ Суда или Совѣта Трехъ...

— Ни вы, ни я не можемъ этого вопроса рѣшить, выговорилъ ди-Аволо холодно, и доставъ изъ картоннаго футляра свертокъ бумаги, подаль его виконту. — Прочтите внимательно, — тихо прибавилъ онъ серьезно, а глаза его будто пролизывали Таванна.

Виконтъ Таваннъ зналъ хорошо итальянскій языкъ, какъ всѣ придворные послѣднихъ королей дома Валуа. Благодаря значенію и вліянію на дѣла Франціи Катерины Медичи, вся французская аристократія говорила на ея родномъ языкѣ. Быстро прочтя бумагу, Таваннъ задумался и насунился.

Это была странная бумага... Полупредложеніе, полуприказь, съ угрозой въ случаѣ несогласія и неисполненія...

Бумага гласила, что кавалеръ ди-Аволо, состоящій въ качествѣ секретаря при „Трехъ“, назначается пребывать постоянно въ свитѣ короля въ силу тайнаго постановленія Совѣта, который надѣется и увѣренъ, что эта просьба будетъ доложена королю виконтомъ Сольксъ-Таванномъ и одобрена монархомъ.

Въ противномъ случаѣ правительство не можетъ отвѣчать за безопасность Французскаго монарха на венеціанской территоріи, такъ какъ она, подобно многимъ другимъ странамъ, переполнена злодѣями-гугенотами и другими еретиками и отщепенцами Церкви Христовой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены Суда Трехъ просятъ держать въ строжайшей тайнѣ это назначеніе кавалера ди-Аволо и даже не вступать объ этомъ въ объясненія съ дожемъ, прокураторами и вообще съ кѣмъ-либо изъ венеціанскаго правительства.

Послѣднее требованіе показалось Таванну страннымъ.

— Стало быть, мы должны, сказалъ онъ,—держать это въ тайнѣ настолько, что даже не говорить о васъ съ самими пославшими васъ?

— Его величество можетъ заговорить обо мнѣ съ старѣйшимъ сановникомъ республики, съ Антонио Нани... Но не прямо...

— Намекомъ? Это не дурно. А кромѣ Нани никому даже не намекать?

— Никому! Кто долженъ это знать—будетъ видѣть меня самъ и будетъ молчать. Впрочемъ, это все такая мелочь, что стоитъ ли монарху Франціи обращать на это вниманіе.

— Совершенно вѣрно, но все-таки странно! воскликнулъ Таваннъ насмѣшливо.

— Согласны ли вы? почтительно, но сухо спросилъ ди-Аволо.

— Поневоля—да... Но по прибытіи его величества я доложу... И тогда дамъ вамъ окончательный отвѣтъ

— Однако, при встрѣчѣ короля, при его торжественномъ въѣздѣ позвольте мнѣ уже находиться съ вами...

Таваннъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Soit!..

Кавалеръ ди-Аволо раскланялся и вышелъ.

„Отвратительная фигура!“ мысленно проводилъ его виконтъ.

Выйдя отъ фаворита Генриха, кавалеръ ди-Аволо сталъ спускаться по лѣстницѣ, искоса озираясь по сторонамъ... Черезъ мгновеніе вслѣдъ за нимъ явился маленькій челоуѣкъ въ ливреѣ и нагналъ его. Это былъ главный камердинеръ виконта, по имени Этьенъ.

— Начало... шепнулъ онъ, идя вплотную за кавалеромъ и будто почтительно провожая гостя.

— Да, еще тише отозвался этотъ.—Что дальше?

— Пошли вамъ Богъ удачу.

— Нѣтъ. Не призывайте Его... Никогда не былъ Онъ милостивъ ко мнѣ... Скажите, что костюмъ?

— Все тотъ же, отвѣтилъ Этьенъ едва слышно.

Кавалеръ вышелъ, сѣлъ въ свою гондолу и кратко приказалъ гондолеру:

— Какъ всегда...

Гондола быстро двинулась серединой Canal Grande, но достигнувъ мѣста, гдѣ направо возвышался извѣстный въ Венеціи дворецъ съ маленькой башней, она остановилась. Гондолеръ держалъ лодку на мѣстѣ, тихо гребя противъ теченія. Дворецъ этотъ принадлежалъ герою республики, славному своими подвигами противъ турокъ, адмиралу Контарини.

Прошла минута, и у окна второго этажа показалась замѣчательно красивая молодая дѣвушка, бѣлокурая, почти бѣловолая, но съ серебристо-пепельнымъ оттѣнкомъ. Она нагнулась надъ цвѣтами у окна и начала будто поправлять ихъ, но ея большіе синіе глаза были робко устремлены на гондолу... Кавалеръ смотрѣлъ на дѣвушку, и лицо его сразу преобразилось, стало радостно взволнованное...

Дѣвушка скрылась, а гондола двинулась далѣе по каналу.

Между тѣмъ виконтъ Сольксъ-Таваннъ, послѣ визита тайнаго секретаря Совѣта Трехъ, сидѣлъ у себя озадаченный. Онъ былъ изумленъ тѣмъ, что этотъ секретарь передалъ ему многія подробности послѣшняго отъѣзда Генриха III изъ Польши. Какимъ образомъ кто-либо въ Венеціи могъ знать и донести правительству республики все то, что произошло нѣсколько дней передъ тѣмъ и могло быть извѣстно только свитѣ короля? А изъ всей этой свиты куда лишь онъ одинъ, Таваннъ, явился сюда...

III.

Выѣздъ Генриха III изъ Польши былъ настоящій побѣгъ, отчасти комическій. Современная ему Европа не скоро узнала подробности этого эпизода исторіи Рѣчи Посполитой.

Генрихъ Валуа, такъ же, какъ его отецъ Генрихъ II, и такъ же, какъ его братья Карлъ и Францискъ, былъ подъ полнымъ вліяніемъ Катерины Медичи, яростной ханжи въ дѣлѣ религіи и коварной интригантки въ дѣлѣ политики. Управ-

ля Франціей именемъ мужа и сыновей, замѣчательная своимъ умомъ и энергіей, женщина эта съумѣла заставитьъ Польшу избрать ея сына Генриха на польскій престолъ и заставила его принять избраніе.

Принцъ отправился въ далекую и чуждую страну какъ въ ссылку, но взявъ съ собой многочисленную свиту молодыхъ людей, которымъ исторія дала вскорѣ особое наименованіе: *mignons*.

„Миньонъ“ или фаворитъ, но равно „нѣжона“, равно „прелестникъ“, появился, такъ сказать, на свѣтъ въ Варшавѣ, по вполнѣдствіи сталъ играть большую и видную роль во Франціи за все время правленія Генриха III.

Эти молодые придворные проводили время въ праздныхъ и глупыхъ забавахъ, въ ухаживаньи за женщинами ради похвальбы.

Между тѣмъ сами миньоны корчили изъ себя изнѣженныхъ, кичились женственностью и женоподобіемъ, и только одна ихъ особенность не соотвѣтствовала тому, что они изъ себя изображали. Это была пресловутая и прославленная исторіей страсть ихъ къ смертельнымъ поединкамъ, явившаяся послѣдствіемъ скуки отъ праздности и полного пресыщенія всѣмъ, а отсюда и искренняго презрѣнія къ жизни.

Всѣ миньоны были, конечно, замѣчательные поединщики или бреттѣры, т. е. знали искусство владѣть шпагой въ совершенствѣ, и затѣмъ вскорѣ послѣ воцаренія Генриха III они, какъ своего рода „опричники“ Франціи, стали грозой общества и народа. Дерзко оскорбляя все и всѣхъ—людей, нравы и обычаи отечества, они зря, безъ смысла и безнаказанно убивали всякаго подвернувшагося подъ руку... Поединки стали надолго заразой и карой Господней въ странѣ.

Вотъ именно подобнаго рода молодежь—будущіе миньоны Франціи — послѣдовали за принцемъ Валуа, отправившимся въ страну, гдѣ тоже всякій панъ-магнатъ „за словомъ въ карманъ не полѣзеть“, а за саблю хвататься то и дѣло привыкъ.

Краткое время правленія новаго Польскаго короля было мирное въ политическомъ отношеніи, но бурное въ иномъ смыслѣ. Вся столица, а затѣмъ все королевство вскорѣ же возненавидѣло дерзкихъ чужеземцевъ, надменно относившихся къ „варварамъ“-полякамъ и распоряжавшихся какъ въ покоренной странѣ...